

У14 $\frac{3}{21}$

ПЕРВЫЙ ПЕЧАТНИКЪ

СИХОМИРОВЪ

ВЪ ЖИТОМИРѢ

СБОРНИКЪ
ПАМЯТНИКОВЪ
РУССКОЙ НАРОДНОСТИ

И

ПРАВОСЛАВІЯ НА ВОЛЫНИ

ИЗДАВАЕМЫЙ ТЕХНИКАМИ СТРОИТЕЛЬНАГО ОТДѢЛЕНІЯ ВОЛЫНСКАГО
ГУБЕРНСКАГО УПРАВЛЕНІЯ.

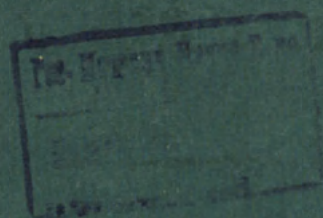
ВЫПУСКЪ I.

ЖИТОМИРЪ

ВЪ ТИПО-ЛИТОГРАФІИ А. ШАДОВА.

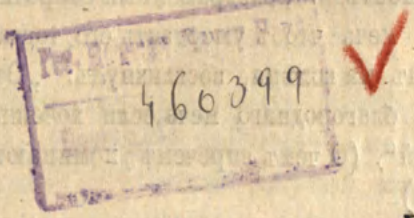
1868

Дозволено цензурою Киевъ 1868 года, Марта 17 дня

МУЗЕЙ П. И. ШУКИНА.

МУЗЕЙ П. И. ШУКИНА.

ВВЕДЕНИЕ

Кто хотя одинъ разъ проѣхалъ по Волынской губерніи, тому трудно и почти невозможно представить себѣ, чтобы для кого нибудь могъ возникнуть вопросъ: что это за страна: Русь или Польша? Здѣсь, на каждомъ шагу исторія начертала многочисленными памятниками, хотя частію полуразрушенными, что это Русь—коренная Русь; а между тѣмъ, не только за границею, но, что истинно грустно, есть много и русскихъ, которые колыбель своей народности и вѣры считаютъ Польшею. А потому, чтобы наглядно и осязательно доказать, что этотъ край есть и былъ русскій, предпринято издать рисунки какъ уцѣлѣвшихъ памятниковъ, такъ и мѣстностей, напоминающихъ событія изъ нашей исторіи. Вотъ главная задача; текстъ будетъ служить только поясненіемъ рисунка.

Въ лѣтописяхъ первыхъ временъ христіанства въ Россіи упоминается почти о всѣхъ волынскихъ памятникахъ, и судьбу ихъ по лѣтописямъ можно прослѣдить до половины 14 столѣтія. За тѣмъ сѣверныя лѣтописи наши о Волыни молчатъ, южныя же истреблены невѣждами, а еще болѣе руками католиковъ.

Наконецъ, при обращеніи униатовъ въ православіе многія древнія иконы и церковная утварь были похищены, а самыя зданія злонамѣренно уродовались. Такъ на-примѣръ: въ с. Зимномъ возлѣ Владиміра сохранилась церковь отъ временъ св. Владиміра, на которой Луцкій католическій епископъ Заленскій, велѣлъ сломать 3 главы; но впрочемъ исторія систематическаго истребленія православія и его памятниковъ въ этомъ краѣ, болѣе или менѣе извѣстна всякому. Даже въ настоящее время, до приѣзда г. генералъ-губернатора Александра Павловича Безака, не только не заботились о сохраненіи памятниковъ, но, какъ бы умышленно уничтожали ихъ, напр. православная церковь Луцкаго братства продана жидамъ на сломъ, частію уже разрушена, и только, благодаря вниманію начальника края, сохранено зданіе это отъ окончательнаго разрушенія; во Владимірѣ, знаменитый въ славянскомъ мірѣ храмъ Мстислава Изяславича обращенъ не толь-

ко въ кладовую, но даже тамъ былъ хлѣвъ какъ-бы въ поруганіе похороненныхъ тамъ многихъ удѣльныхъ русскихъ князей и митрополитовъ. Въ виду этихъ обстоятельствъ, мы смѣемъ надѣяться, что изданіемъ этихъ памятниковъ принесемъ свою лепту на алтарь роднаго русскаго дѣла. Изданіе наше будетъ выходить выпусками, заключающими въ себѣ не менѣе четырехъ рисунковъ съ объяснительнымъ текстомъ.

Бывшій начальникъ губерніи, Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Михаилъ Ивановичъ Чертековъ разрѣшилъ намъ приступить къ этому изданію; затѣмъ испросивъ благословеніе архіепископа Антонія на это дѣло, атакже и распоряженія съ его стороны, относительно сообщенія намъ необходимыхъ для сего свѣдѣній духовными лицами губерніи и сверхъ того, особымъ объявленіемъ при мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ, мы просили всѣхъ, кому дорого Русское дѣло въ этомъ краѣ, помогать намъ сообщеніемъ данныхъ, касающихся этаго предмета и приступили къ приготовленію перваго выпуска сборника предполагаемаго изданія. Такимъ образомъ, рассчитывая въ началѣ этого дѣла на помощь и пособіе многихъ лицъ, въ настоящее время, мы съ горестію должны сознаться, что рѣшительно ни откуда не встрѣчаемъ поддержки, не только дѣломъ, но даже словомъ, и такія лица на помощь которыхъ мы въ особенности рассчитывали, менѣе всего оказали намъ участіа

Однакожъ, не смотря на всеобщее къ намъ равнодушіе въ этомъ дѣлѣ, мы не оставили его; въ настоящее время, имѣемъ уже до 60 фотографическихъ рисунковъ, приготовленныхъ для литографированія и изъ нихъ 9 отлитографированныхъ.

Изданіе древнихъ памятниковъ Русской народности и православія въ Волынской губерніи, мы начинаемъ съ г. Острога, потому именно, что въ немъ долѣе прочихъ городовъ на Волыни сохранялось православіе, (почти до половины XVII столѣтія), личными достоинствами князей Острожскихъ, твердо отстаивавшихъ свою родовую вѣру

до тѣхъ поръ, пока второй сынъ знаменитаго ревнителя грекороссійской церкви, князя Константина-Василія II Константиновича, Іоаннъ, посланный родителемъ своимъ въ Вѣну для изученія, при дворѣ Австрійскаго Императора Максимилиана II, ратнаго дѣла, былъ совращенъ въ католичество ухищреніями іезуитовъ и вліяніемъ своей жены Матильды Сангушко и названъ католическимъ именемъ Януша.

Янушъ, доведенный до фанатизма Іезуитами, не внималъ по возвращеніи своемъ изъ Вѣны никакимъ внушеніямъ отца, такъ, что послѣдній, раздраженный сопротивленіемъ сына, обнажилъ мечъ чтобъ умертвить его, тогда Янушъ, упавъ предъ нимъ на колѣна, воскликнулъ: „Отецъ! не оскверняй своего благороднаго меча, если хочешь казнить меня, возьми мой“. (О чемъ впрочемъ упоминаютъ только польскія хроники).

ГОРОДЪ ОСТРОГЪ.

Когда именно основанъ Острогъ, лѣтописи опредѣлительно не говорятъ; извѣстно только и то неположительно, что одинъ изъ сыновей Данила короля Галицкаго, долго оспаривавшаго верховное господство Казимира-Великаго, короля Польскаго, надъ юго-западнымъ краемъ, именно Романъ, получившій себѣ въ удѣлъ г. Острогъ, началъ первый именоваться княземъ Острожскимъ; это было въ концѣ XIII вѣка, слѣдовательно основаніе города было гораздо ранѣе.

Вѣрныя историческія данныя относительно города, а также и князей Острожскихъ, начинаются съ первой половины XV столѣтія, со временъ князя Θεодора Даниловича,* правнука князя Василя, брата Данила, короля Галицкаго. Этотъ великій ревнитель православія причисленъ русскою церковью къ лику святыхъ и почиваетъ въ Кіево-Печерской Лаврѣ въ дальнихъ Θεодосіевыхъ пещерахъ.** Онъ

* По Домбровскому, Максимовичъ въ письмахъ о князьяхъ Острожскихъ говоритъ, что господствующее мнѣніе о происхожденіи князей Острожскихъ отъ Галицкихъ неосновательно и невярно, также какъ и старопольское мнѣніе о происхожденіи самаго Романа Галицкаго отъ Давида Игоревича, хотя это мнѣніе въ ходу у писателей польскихъ донынѣ. Такъ и въ старомъ южно-Русскомъ лѣтописцѣ, въ имени Давида Игоревича, означено: «предокъ князья Острожскихъ» чтобы выбраться изъ этой генеалогической дебри на прямой путь историческій, я обратился къ старымъ памятникамъ кіевскихъ церквей, гдѣ записанъ «родъ князя Константина Ивановича Острожскаго» вскорѣ послѣ его погребенія въ Печерской церкви, т. е. еще въ тридцатыхъ годахъ XVI вѣка. Тамъ имена предковъ его поминаются въ такомъ порядкѣ:

1. Князя Георгія, 2. князя Дмитрія, 3. князя Данила, 4. князя Θεодора въ инокахъ Θεодосія и т. д. Несомнѣнно, что эти имена были написаны для церковнаго поминовенія, еще самымъ княземъ Константиномъ, правнукомъ Θεодора; а потому это родоначальіе князей Острожскихъ должно признать за достовѣрное и нерушимое.

Соотвѣтственный рядъ княгинь представляетъ слѣдующіе имена: 1. княгиня Варвара, 2. княгиня Инокія Елисавета, 3. княгиня Василіса, 4. княгиня Агафія въ инокиняхъ Агриппина и т. д.

Вотъ первые четыре степени родства князя Константина. Оно начинается прадедомъ его прадеда Θεодора, княземъ Георгіемъ и его княгиней Варварою. Кто же были эти родоначальники князей Острожскихъ? «Благовѣрніи князи Туровскіи» Такъ написано въ ихъ именахъ въ памятникѣ Дубенской церкви.

** Въ жизнеописаніяхъ св. Отцевъ дальней или Θεодосіевской пещеры составленныхъ въ XVII вѣкѣ, объ этомъ князѣ говорится слѣдующее: Преподобный Θεодоръ Даниловичъ, князь Острожскій «оставивъ прелесть міра сего и княжескую славу, взялъ на себя иночество святое и такъ подвизался крѣпко о спасеніи своемъ, угождая Богу, ажъ до смерти душу свою украшаючи, Господеві въ руцѣ отдалъ, и тѣло его здѣ положенное опочиваетъ.»

Максимовичъ говоритъ, что слѣдую примѣру Θεодора жена его, княгиня Агафія, приняла также иночество подъ именемъ Агриппины и меньшій братъ его умеръ инокомъ подъ именемъ Александра. Имъ же (Θеодоромъ) въ Острогѣ построена каменная Пречистенская Церковь, которая въ XVI столѣтіи обращена въ костелъ

первый началъ укрѣплять Острогъ. Въ началѣ XV вѣка Великое Княжество Литовское находилось въ упорной борьбѣ съ Польшею. Витовтъ, двоюродный братъ Подскаго Короля, Владислава-Ягайла, бывший тогда Великимъ княземъ Литовскимъ, старался утвердить самостоятельность своего государства. Опасаясь, что митрополиты всей Руси, жившіе со временъ св. Петра, постоянно въ Москвѣ, могли своимъ вліяніемъ питать между Литовско-Русскими и Московскими землями, духъ братства, опасный для литовскаго правленія, Витовтъ спѣшилъ установить для своихъ земель отдѣльную отъ Москвы Митрополию. Но еще болѣе старался онъ прервать всякую политическую связь Литовскаго княжества съ короною польскою.

Поддерживаемый Цесаремъ Сигизмундомъ, Витовтъ хотѣлъ довершить разрывъ Литовскаго княжества съ Польшею, торжественнымъ своимъ коронованіемъ и принятіемъ королевскаго титула; но смерть помѣшала ему достигнуть цѣли.***

Мѣсто Витовта занялъ Свидригайло, родной братъ Ягайла, вручившаго ему управленіе Литовскимъ Княжествомъ. Свидригайло дѣйствовалъ въ духѣ своего предшественника, враждовалъ съ королемъ Ягайломъ; въ этой борьбѣ его съ Польшею особенно прославился князь Θεодоръ Васильевичъ Острожскій. Свидригайло, имѣвшій частыя сношенія съ жителями Волыни, задержанъ и заключенъ былъ въ Кременецкій замокъ, который находился подъ охраною Польскаго войска (1418). Но преданные волыняне помогли ему, освободиться изъ заключенія: Князь Θεодоръ напалъ на кременецкую стражу, перерѣзалъ ее и освободилъ Свидригайла.

Усиливъ свои дружины наемными волохами и татарами, Θεодоръ мужественно дѣйствовалъ противъ Сигизмунда Кейстутовича, котораго Польша противопоста-

*** Въ виду этой цѣли онъ назначилъ съѣздъ въ г. Луцкѣ, на который прибыли Императоръ, великій князь московскій, Митрополитъ Фотій, Ягайло съ семействомъ и множество иностранныхъ владѣтелей и почетныхъ лицъ. Но Ягайло, подстрекаемый поляками воспротивился этому намѣренію и внезапно выѣхалъ изъ Луцка. Раздраженный этимъ поступкомъ Витовтъ и вслѣдствіе обѣщанія Сигизмунда выслать ему корону и грамоту на королевское достоинство, самовольно назначилъ день своей коронаціи въ Вильнѣ 16 Сентября 1430 г.; куда прибыли: великій князь Московскій, Князь Тверской, Одоевскіе и множество другихъ князей русскихъ и татарскихъ, а также магистръ прусскій; но поляки несогласавшіеся на коронацію, рѣшились прибѣгнуть къ насилію: позванскій подкоморій Чариковскій перехватилъ на дорогѣ корону и трампу огорченный этимъ Витовтъ впасть въ тяжкую болѣзнь и умеръ 27 Октября въ Трокахъ.

вила Свидригайлу. Въ 1432 году онъ овладѣлъ замкомъ Смотричемъ въ Подольи и подчинилъ Свидригайловой власти Луцкъ, главный изъ городовъ волынскихъ, укрѣпленный двумя каменными замками(*) и значительнымъ гарнизономъ польскимъ. Вслѣдъ за тѣмъ поразилъ онъ наголову и взялъ въ плѣнъ бучацкаго старосту Каменецкаго и опустошилъ окрестности Бреста-Литовскаго.

Окончательно Острогъ былъ укрѣпленъ сыномъ Теодора Даниловича, княземъ Василиемъ III Теодоровичемъ, который у современниковъ назывался Василиемъ Краснымъ, въ началѣ XV вѣка. Князь этотъ, кромѣ Заславля и Дубно, обвелъ и Острогъ каменными стѣнами для отраженія частыхъ нападений крымцевъ на Волынское княжество. Князь Василий скончался около половины XV вѣка.

По смерти Василя, обширное Острожское княжество раздѣлилось между его сыновьями. Младшимъ изъ нихъ, Юріемъ, началась линія князей Заславльскихъ или Жеславскихъ; а старшимъ, Иваномъ, продолжался родъ князей собственно Острожскихъ.

Иванъ Васильевичъ Острожскій съ стольнымъ городомъ предковъ, наслѣдовалъ мужество своего дѣда и безпредѣльное благочестіе отца. Первое выказалъ онъ блистательными побѣдами надъ крымцами у Теребовля, на берегахъ Случи и въ походахъ Короля Казимира подъ литовскими знаменами; послѣднее обнаружилъ строеніемъ и украшеніемъ Божіихъ Храмовъ. Церковь св. Троицы, воздвигнутая имъ въ Межиричи, великолѣпнѣе равнялась Острожскому Храму Богоявленія, созданному имъ же.**

Отъ брака съ княжною Глинскою, (по мнѣнію нѣкоторыхъ, сестрою литовскаго выходца Михаила), Иванъ Острожскій имѣлъ двухъ сыновей: Константина и Михаила. Послѣдній умеръ въ молодыхъ лѣтахъ, а Константинъ былъ долго украшеніемъ своего рода. Въ 1498 году онъ былъ уже гетманомъ литовскимъ.

Еще со временъ Ольгерда, Великіе князья Литовскіе враждовали московскимъ государямъ, и, стремясь удержать за собою Западно-Русскія земли, противоборствовали развитію единовластія въ родѣ Іоанна Московскаго. Уже одно названіе великаго князя всея Руси, усвоенное Іоанномъ Калитою и его преемниками, заставляло князей Литовскихъ опасаться за русскія земли, вошедшія въ составъ ихъ державы. Потому борьба между потомками Калиты и великими князьями Литовскими, была неизбежна и должна была со временемъ вызвать вражду и между землями имъ подвластными. Эта вражда продолжалась и еще съ большею силою, когда Польша на-

чала избирать себѣ королей изъ потомства Гедимина. Въ одинъ изъ походовъ Іоанна III, противъ короля Александра, князь Константинъ Ивановичъ, послѣ пораженія литовскихъ полковъ на берегахъ Ведроши, (1500 г.) отведенъ былъ плѣнникомъ въ Москву, и, тамъ послѣ долгаго заключенія, принужденъ былъ присягнуть на подданство Іоанну. Однако при новомъ Царѣ Василиѣ III, онъ ушелъ въ Литву и опять участвовалъ въ польской войнѣ противъ Москвы — подъ Оршею, Опочкою, Псковомъ и Смоленскомъ; но имя доблестнаго и счастливаго вождя Константинъ, стяжалъ себѣ походами на крымскихъ хитниковъ, противъ которыхъ испыталъ только одинъ разъ неудачу въ битвѣ подъ Соколемъ; во всѣхъ же другихъ сраженіяхъ съ татарами онъ торжествовалъ постоянно. Современные писатели оставили преданіе о 33-хъ, а иные даже о 63 его побѣдахъ. Сигизмундъ I-й, дважды удостоилъ его торжественнаго вѣзда въ Вильну и Краковъ, и почтилъ его званіемъ кастеляна виленскаго, несмотря на зависть и ропотъ польскихъ магнатовъ, которые съ неудовольствіемъ видѣли расположеніе короля къ схизматiku, какъ они называли, Константина Острожскаго.

Но если Константинъ, мужествомъ и знаніемъ ратнаго дѣла, стяжалъ себѣ отъ современниковъ имя русскаго Сципіона и литовскаго Аннибала, то еще болѣе прославился онъ своимъ примѣрнымъ благочестіемъ. — Князь Курбскій именуетъ его „свѣтлымъ въ правотѣрныхъ догматахъ и во всякомъ благочестіи сіяющимъ“, а папскій легатъ Пизонъ, въ посланіи къ римскому первосвященнику, говоритъ, „что князь Константинъ Острожскій, такъ приверженъ къ греческой церкви и до того соблюдаетъ ея постановленія, что и на волосъ отъ нихъ не отступаетъ; что будучи дома благочестивымъ Нумою, онъ въ бою воинственнѣе Ромула и что при всѣхъ рѣдкихъ качествахъ, въ немъ одинъ только тотъ недостатокъ, что онъ схизматикъ. Если бы мнѣ (продолжаетъ Пизонъ) удалось сего князя привести на лоно Святой матери-Церкви, то примѣръ его увлекъ бы множество народа: такъ велико его вліяніе на соотечественниковъ;“ но покушенія усерднаго легата остались безъ успѣха.

Между тѣмъ Константинъ основалъ (около 1519 г.) храмъ Св. Троицы и Николаевскую Церковь въ Вильнѣ и потомъ кафедральную митрополичью Церковь въ Новгородѣ Литовскомъ, построилъ много церквей и монастырей въ земляхъ своего наслѣдственнаго княжества, гдѣ имъ заведены были и училища для образованія юношества. Но особенно заботился онъ о кievскомъ печерскомъ храмѣ Пресвятыя Богородицы, въ которомъ предалъ погребенію

* Замки эти и по настоящее время уцѣлѣли.

** Если и былъ имъ построенъ храмъ Богоявленія въ Межиричи, то вѣроятно деревянный.

останки своего отца и былъ погребенъ самъ 1533 г.* Вотъ что говоритъ иезуитъ Нисецкій о гетманѣ Константи́нѣ, въ своей Коронѣ Польской: „онъ былъ ростомъ малъ, но душею великъ, для всѣхъ доступенъ, щедръ къ сподвижникамъ, милосердъ къ плѣнникамъ и опытиѣ всѣхъ въ ремеслѣ военномъ.“

По смерти сего знаменитаго гетмана, сыновья его, Илія и Константинъ-Василій, раздѣлили между собою княжество Острожское. Илія Константиновичъ сдѣлался владѣльцемъ Острога и подавалъ о себѣ большія надежды, но только шестью годами пережилъ своего отца. Онъ же былъ старостой брацлавскимъ и винницкимъ; а малолѣтній княжить Константинъ-Василій, оставался при своей вдовствующей матери, Александрѣ Семеновѣ, дочери князя Слуцкаго, получившей себѣ въ вѣно отъ покойнаго мужа городъ Туровъ. Въ этой прародинѣ Князей Острожскихъ и выросалъ будущій послѣдній представитель ихъ славы и доблести.

Между тѣмъ Илія Константиновичъ, въ 1539 году, вступилъ въ бракъ съ Беатою Костелецкою, дочерью бывшей Королевской наложницы Катерины, воспитанною при дворѣ корыстолюбивой и безнравственной королевы Боны. Годъ черезъ три послѣ того, умеръ князь Илія, поручивъ опеку короля Сигизмунда — Августа, свою малолѣтнюю, единственную дочь, Елисавету или Ельжбету, известную по своей злополучной трагической судьбѣ... И кто же въ ней виновнѣе? — своенравная ли Беата, которой хотѣлось подольше владѣть огромнымъ наслѣдствомъ своей дочери? — или же король Сигизмундъ Августъ, такъ немилостиво осудившій на изгнаніе Дмитрія Сангушка, придерживаясь гнуснаго обвиненія, сочиненнаго на заказъ Станиславомъ Чариковскимъ? — Нашелся и другой угодникъ, Мартинъ Зборовскій, который настигъ убѣжавшую чету, уже не въ своей а въ чешской землѣ, въ Яромірѣ и задумался умертвить Сангушка (1554) и вмѣстѣ съ его головою, доставить алчной Беатѣ ея овдовѣвшую дочь... И для чего же? Чтобы августѣйшій опекунъ выдалъ ее насильно за любимѣйшаго имъ Гурку, несмотря и на отчаянное сопротивленіе ея матери... Бѣдная Елизавета! Недоставшись любившему ее князю Семену Слуцкому, оставшись вдовою и послѣ немилаго Лукаша Гурки, она явилась уже безумною къ своему дядѣ въ Острогъ, гдѣ и скончалась; а выжитая отсюда Беата, благоденствовала еще на Волыни въ М. Янушполѣ, пока не женился на ней (послѣ 1563 г.) Сѣрадскій воевода Альбрехтъ Ласкій, ко-

торый немогши съ нею ужиться, заточилъ ее на вѣки въ своемъ венгерскомъ замкѣ Кезмаркѣ.

Ровно чрезъ 10-ть лѣтъ послѣ того какъ происходило во Львовѣ насильственное взятіе оттуда Елизаветы для Гурки, — Сигизмундъ Августъ разыгралъ въ Люблинѣ другую драму, болѣе важную: онъ разбилъ свое Литовское Государство на составныя части и каждую порознь присоединилъ къ Королевству Польскому, и, нашъ древній первопрестольный Кіевъ, со всею Южною и сѣверо-западною Русью, сталъ достояніемъ польской короны.

Константинъ Василій, пожалованный отъ короля званіемъ маршалка волынскаго, старосты владимірскаго и (около 1557 г.) званіемъ кіевскаго воеводы, былъ самымъ твердымъ оплотомъ Волыни, Подолья и Кіевской земли противу татаръ. Крымцы испытали тяжесть его руки у Снявы, подъ Заславемъ, Дубно и (въ 1578 г.) подъ Острогомъ, гдѣ они окружили его, въ то самое время, какъ онъ веселымъ пиромъ праздновалъ бракъ старшей дочери своей съ кравчимъ великаго княжества Литовскаго, Кишкою.

Подъ знаменами короля Баторія, Константинъ-Василій, воевалъ и противъ Москвы: подъ Соколомъ, Черниговомъ, Стародубомъ и другими городами земли Сѣверской; но внутренній союзъ Православія и Русскаго рода не прерывался между нимъ и Царемъ Московскимъ: Грозный, враждуя съ Баторіемъ и Воеводою Кіевскимъ, въ тоже время благотворилъ печерской лаврѣ и переслалъ полный списокъ Ветхаго и Новаго завіта Острожскому Князю, заботившемуся о напечатаніи полной Библии на языкѣ славянскомъ.

Хотя Константинъ-Василій, вмѣстѣ съ Волынскимъ воеводою княземъ Александромъ Черторійскимъ и другими сановниками Литовскаго княжества, и подписалъ составленный на Люблинскомъ Сеймѣ актъ присоединенія великаго княжества къ польской коронѣ, но введеніе уніи встрѣтило въ воеводѣ кіевскомъ сильнаго и рѣшительнаго противника.

Являсь на Брестскій Соборъ, въ 1596 году, Константинъ-Василій торжественно защищалъ догматы Православія противъ отступниковъ, митрополита Рогозы и епископовъ Поцѣя и Терлѣцкаго, которые, по личнымъ выгодамъ и въ угоду Сигизмунду III, замыслили соединиться съ римскою церковію. Голосъ благочестиваго князя изъ рода св. Владиміра, былъ опасенъ для Рогозы и его сообщниковъ; не менѣе опасенъ онъ былъ и для расчетовъ Сигизмунда, ревностно обращавшаго всѣхъ въ католицизмъ; но этому король приказалъ князю Острожскому выѣхать изъ Бреста. Воевода кіевскій повиновался, но презрѣніемъ отвѣчалъ на всѣ убѣжденія лукаваго Поцѣя и его соумышленниковъ и остался непримиримымъ врагомъ уніи.

* Надгробная статуя представляетъ возлежащаго рыцаря; прежняя надпись бывшая до пожара въ 1718 году, состояла въ слѣдующемъ: «Константинъ Ивановичъ Острожскій, воевода Троцкій, гетманъ великаго княжества Литовскаго, по многихъ побѣдахъ отъ смерти полагши здѣ погребенъ лѣта отъ Р.Х., 1533, имѣя лѣтъ 70, одержавъ побѣдъ 63.

Отъ старинныхъ укрѣпленій въ настоящее время остались въ Острогѣ только три башни, одна, на такъ называемой „Замковой горѣ“, (видъ которой прилагается) и двѣ въ самомъ городѣ; мѣстами—земляной валъ, остатки фундамента стѣнъ и глубокий ровъ, когда то наполненный водою, около крѣпости.

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, между Замковой башней, и церковью Богоявленія, существовали остатки такъ же крѣпостной стѣны и воротъ, но онѣ подарены княземъ Яблоновскимъ какому то городничему, которымъ и свезены.

Кромѣ этого, въ Острогѣ остались еще княжескій замокъ съ пристроенными къ нему, въ разное время контрафорсами, изъ которыхъ одни возвышаются, съ одной стороны въ три яруса, а съ другой въ четыре; въ немъ

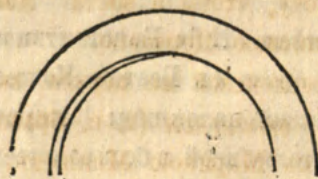
въ настоящее время, помѣщается уѣздный судъ (смотри рисунки: Общій видъ г. Острога и Развалины храма Богоявленія, называвшагося прежде замковымъ храмомъ, настоящее изображеніе котораго при семъ прилагается).

Хотя постройку этого храма польскіе хроникеры: Нйсецкій, Стебельскій и Хмелевскій, а за нимъ и наши историки Домбровскій и Максимовичъ, относятъ къ 1-й половинѣ XV столѣтія, къ княженію Василя Теодоровича; но по четыремъ надписямъ, открытымъ и прочтеннымъ въ Мартѣ прошлаго 1866 года, (которыя были заштукатуренны), вырѣзаннымъ на камняхъ надъ амбразурами оконъ сѣверной стороны на славянскомъ и латинскомъ языкѣ, видно, что основаніе этой церкви слѣдуетъ отнести только къ 1521 году*, т. е. къ послѣднимъ годамъ**

* НАДПИСИ ЭТИ СЛѢДУЮЩІЯ.

1.

Ѡоу КѠ
ДНѠ

2.

IN ICSY. NYI? OPERIS: D
ANNO DOMI. 1521: 3.

3

ѠѠ ѡ ѠѠ КѠ

4.

ANNO DOMI. 1521)

** Надъ окномъ съ лѣвой стороны на наружной сторонѣ; а еще въ 1822 году и греческая надпись, которой нѣтъ и слѣда.

енія Константина Ивановича. Церковь Богоявленія замѣчательна во многихъ отношеніяхъ и, какъ зданіе: по прочности, грандіозности и по особенностямъ постройки и потому еще, что она одна изъ немногихъ на Волынѣ, никогда не переходила въ руки ни униатовъ, ни католиковъ(*), несмотря на всѣ старанія іезуитовъ при дочери князя Александра Константиновича, Аннѣ-Алоизіи, принявшей такъ же католичество. Въ этомъ храмѣ былъ погребенъ Демьянъ старшій братъ знаменитаго малороссійскаго гетмана Северина Наливайки, сожженного въ 1597 году, въ Варшавѣ, въ мѣдномъ быкѣ. Еще задолго до этой попытки іезуитовъ, маститый проповѣдникъ слова Божіаго (какъ говоритъ о немъ Іезуитъ Лячинскій „Закоренѣлый раскольникъ“) видя, какъ латинство раскидывало свои сѣти и предчувствуя неблагоприятныя результаты для православія, отецъ Демьянъ завѣщалъ предъ смертію похоронить себя, внѣ церкви, въ полѣ, говоря: „нехочу, чтобы и кости мои сближались когда либо, съ латинскою Церковію.“

Въ Богоявленской же церкви, какъ говорятъ народныя преданія *вѣнчался* (т. е. бракосочетался), Дмитрій Самозванецъ съ Мариною Мнишекъ.

Стиль Богоявленской церкви полувизантійскій, полуготическій; особенность же ея постройки заключается въ томъ, что одна стѣна ея, обращенная къ городу, сдѣлана въ родѣ крѣпостной, съ амбразурами и бойницами, замѣнявшими крѣпостную стѣну. Фундаментъ церкви каменный, стѣны изъ превосходнаго кирпича, наличники оконъ и украшенія изъ тесаннаго камня.

Хотя Домбровскій и говоритъ, что между дворцомъ и Богоявленскою Церковію существуетъ подземный ходъ, но это вовсе невѣроятно, потому—что въ такомъ ходѣ не было никакой надобности, ибо между дворцомъ и церковію разстоянія только на 19 сажень.

Но несомнѣнно то, что подобные ходы существовали, какъ предосторожность необходимая, въ тѣ времена междоусобій и удѣльной вражды. Слѣдъ одного изъ такихъ тайниковъ виденъ и теперь близъ Богоявленскаго Храма.

Въ старину, на этой церкви было пять куполовъ, но они всѣ развалились; стѣны же всѣ цѣлы, несмотря на то, что болѣе 200 лѣтъ Богоявленскій Храмъ стоитъ въ запустѣніи, безъ крыши, безъ наблюденія; изъ шести пилоновъ, одинъ, или похищенъ жидами, или по-

Въ одной довольно любопытной брошюрѣ „Nowe Ateny“, въ которой годъ и мѣсто изданія не означены, сказано, что „ради необыкновеннаго упорства въ схизмѣ, священники Богоявленской Церкви преданы были провлатію, и изгнанію, а сама церковь оставлена совамъ и воробьямъ въ жилище“ (Домбровскій).

даренъ кому нибудь настоящимъ владѣльцемъ Острога.

Этотъ прекрасный памятникъ древняго зодчества (въ которомъ нѣсколько времени опочивалъ великій князь Василій Θεодоровичъ, перенесенный въ послѣдствіи знаменитымъ внукомъ своимъ Константиномъ, въ печерскую обитель), по ходатайству нынѣшняго главнаго начальника Юго-западнаго края, генералъ адъютанта Александра Павловича Безака, въ скоромъ времени будетъ возобновленъ въ первобытномъ величіи.

Въ этомъ же храмѣ былъ похороненъ на нѣкоторое время и Великій Князь Острожскій, Александръ Константиновичъ(*) твердо оставшійся вѣрнымъ православію, не смотря на безотвязныя мольбы жены его дочери сендомирскаго воеводы Костки.

Существуетъ также преданіе о когда-то существовавшемъ красивомъ деревянномъ мостѣ, (**) пролегавшемъ отъ княжескаго замка къ городу, по которому князья Острожскіе проѣзжали въ свой замокъ, а православные острожане приходили молиться въ храмъ Богоявленія.

Преданіе это приведенное въ „Кіевлянинѣ“ 1840 г. Г. В. Домбровскимъ, повѣствуетъ такъ:

Дочь князя Александра Константиновича, княжна Анна-Алоизія, бывшая не долгое время въ супружествѣ съ извѣстнымъ польскимъ гетманомъ Ходкевичемъ, умершемъ подъ Хотиномъ, „добрая, но слабодушная, ходившая во власяницѣхъ и босикомъ“, такъ же построившая одну Православную церковь въ Острогѣ, но совращенная наконецъ гошанскими іезуитами въ католицизмъ, предприняла тайно перевезти прахъ своего отца, въ самый день свѣтлаго Христова Воскресенія (1636 г.) въ устроенный ею іезуитскій кляшторъ. ***

Но какъ ни тайно было сдѣлано приказаніе о перенесеніи останковъ благовѣрнаго князя изъ православной церкви въ Латинскій кляшторъ, какъ ни распространяли іезуиты молву, что будто бы князь Александръ Острожскій согла-

* У Максимовича говорится, что князь Константинъ Константиновичъ Острожскій скончался въ 1608 году 13 Февраля въ Субботу Θεодоровской недѣли на 82 году жизни, погребенъ въ Острогѣ въ замковой Богоявленской церкви возлѣ своего младшаго сына Александра.

** Онъ существовалъ еще въ 1822 г., а вѣроятно и нѣсколько далѣе этого года. *Новицкій*.

*** Максимовичъ же приводитъ слѣдующее извѣстіе изъ львовской лѣтописи: «Въ томъ же року, на свята Великодни, зъ недѣли на поведѣлокѣ, у Острогу, пани воеводина дочка княжны Ярославской, пошевши до замку, казала себѣ гробъ отворити, и добывши склепу, гдѣ лежало тѣло отца ея, и казала его взяти, которое южъ было згнило, только кости; которми взявши, казала ихъ помыти, и посвятити іезуитомъ, и отвезти до Ярославля до матки своей, и казала провадити изъ церкви, куды русь зыкла, нѣ память звѣзствѣ Христа Спасителя нашего, съ крестами, съ корогвами триумфъ коло церкви отправоувати а бы съ того напасть на Русь учинити; и такъ учинили много зло, Христіавству».

сидя соединиться предъ смертію съ Римскою церковію, православное народонаселеніе г. Острога ничему не вѣрило и негодовало на поступокъ Анны-Алоизіи, видя въ немъ поруганіе святыни и чтимаго имъ праха любимаго своего князя; и это негодованіе выразилось грозно и торжественно!

„На разсвѣтъ свѣтлаго дня Воскресенія (говорить г. Домбровский) народъ Острожскій, по вѣковому обычаю толпился на мосту у замка, вблизи храма. Тутъ лежали груды пасхи, тамъ кучи крашенныхъ яицъ, для всенароднаго посвященія и привѣта. Всякій ожидалъ благодатнаго возгласа „Христосъ Воскресе;“ но тутъ же слышенъ былъ порою и громкій ропотъ народа недовольнаго поступкомъ княжны.

Въ это время Анна-Алоизія возвращалась изъ іезуитскаго костела. Ей надобно было ѣхать чрезъ мостъ.

Народъ заступилъ княжнѣ дорогу и, на приказаніе слугъ посторониться съ пасхами, толпа мѣщанъ отвѣтствовала явною ослушностію. Княжна въ пылу гнѣва, приказала кучеру ударить по лошадямъ и промчаться сквозъ буйную толпу, по пасхальнымъ хлѣбамъ; но народъ едва не сбросилъ ее въ оврагъ и закидалъ ее крашенными яйцами. Отбившись съ помощію слугъ, княжна (съ подбитымъ глазомъ) съ трудомъ могла отбиться отъ разъяренной черни, которая вломилась было за нею въ

самый замокъ, и только ружейными выстрѣлами слугъ могла быть удержана. Анна-Алоизія принесла жалобу на своихъ подданныхъ, которые мстили ей за притѣсненія, и любельскій трибуналъ осудилъ многихъ острожскихъ гражданъ на мучительную казнь. Когда уже прочтенъ былъ, на площади, грозный *вырокъ* трибунала и осужденные ожидали вѣрной смерти, княжна Анна-Алоизія объявила всѣмъ пощаду. Она довольна была уже тѣмъ, что тотъ же трибуналъ, обрекъ сорокъ православныхъ священниковъ къ изгнанію изъ Острога.

Лишенные пастырей, бѣдные жители Острога, по неволѣ должны были разставаться съ своею древнею вѣрою предковъ.

Привославие было поправлено!...

Со временъ княжны Анны-Алоизіи, т. е. съ первой половины XVII столѣтія, католицизмъ получилъ въ Острогѣ рѣшительное преобладаніе, и съ этого времени продолжается уничтоженіе православныхъ церквей, начатое еще при князѣ Янушѣ, внуку Константина Константиновича, который первый, отложившись отъ православія, началъ строить костелы и изгонять православныхъ священниковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Лит. Н. В. Далекоуковой у Вознес. места даиъ Кутира Квар. № 31.

**БАШНЯ БЛИЗЪ ЦЕРКВИ БОГОЯВЛЕНІЯ
ВЪ Г. ОСТРОГѢ.**

Полященіе Православнаго собора въ г. Житомирѣ до 1858г.

лит. Н. Д. Дельфуркова у Воевод. места св. г. Житомира Твар. № 34.

Католическій соборъ въ г. Житомирѣ.

Лит. И. В. Долгоруковой, у Вознес. моста, у Ситтера, № 31

ОБЩІЙ ВИДЪ ЗАМКОВОЙ ГОРЫ ВЪ Г. ОСТРОГѢ.

Авт. Н. В. Давыдовъ у Вознесѣннѣи. Голосъ. 1866. № 31.

**Видъ храма Божьего Спаса съ южной стороны
въ г. Острогѣ.**